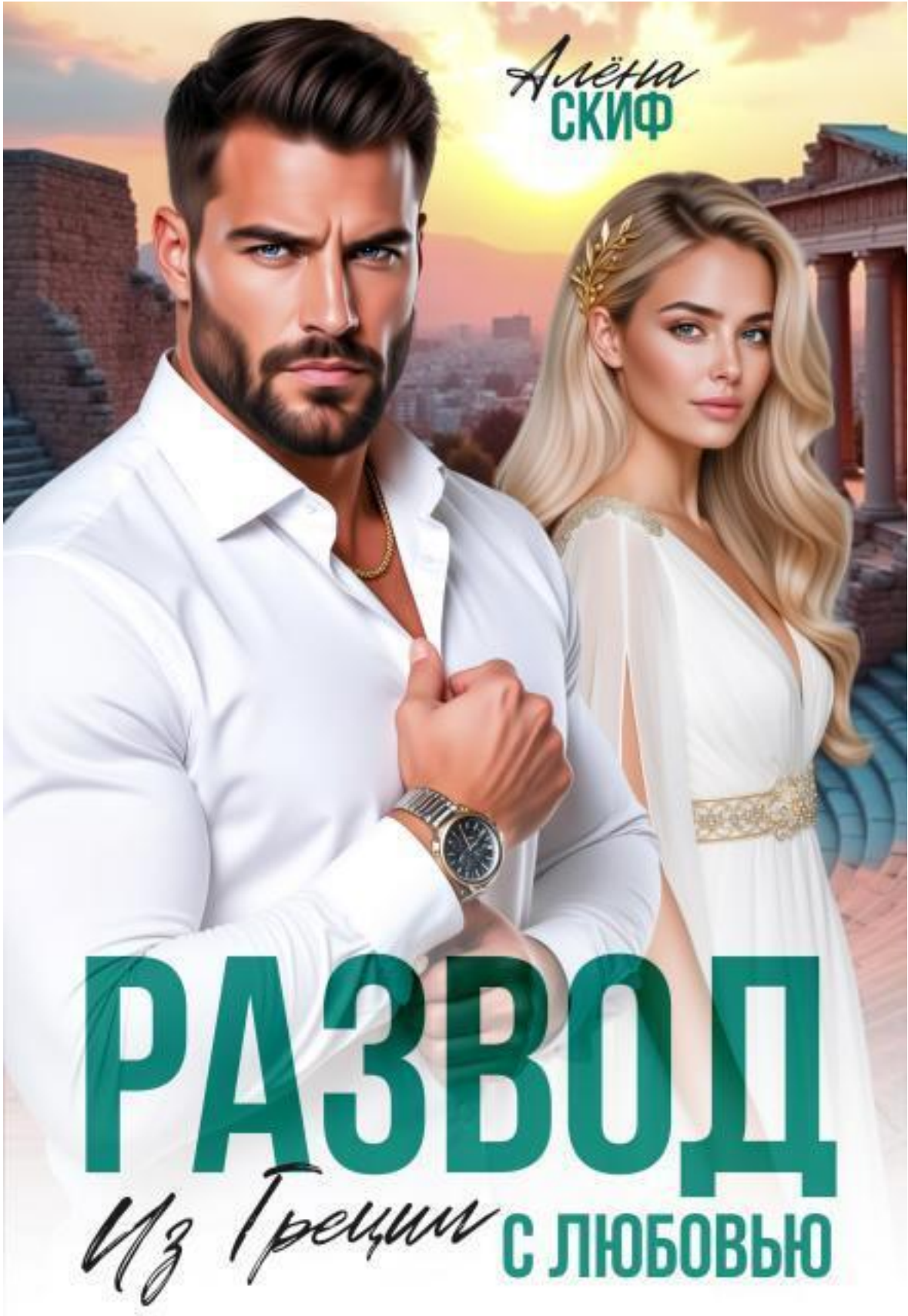




Алёна
СКИФ

РАЗВОД

Из Греции С ЛЮБОВЬЮ

Алёна Скиф

Развод. Из Греции с любовью

«Литнет»

2026

Скиф А.

Развод. Из Греции с любовью / А. Скиф — «Литнет», 2026

Свадьба в Греции. Море, оливки, музыка, счастье. Я выхожу замуж за красавца-грека, а через два часа после венчания нахожу его в ослином загоне с подругой детства.— Это ничего не значит! Просто физиология! Он думал, что я прощу. Он думал, что я заплачу и останусь. А я толкнула его в навоз, бросила обручальное кольцо прямо туда же и уехала в ночь с незнакомцем на чёрном внедорожнике. Говорят, свадьба это начало новой жизни. Что ж, начало вышло ещё то. В тексте вас ждет: # мерзкий мерзавец муж, который получит своё # добрая, волевая, но не сдающаяся героиня # предательство # интриги, загадки, расследования # настоящий мужчина (обязательно, куда без него!) # ХЭ для самых достойных Книга участвует в литмобе “Развод с иностранцем” 18+

© Скиф А., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Ослики, оливки и запах лжи	5
Глава 2. Без тормозов!	8
Визуализация героев	10
Глава 3. Кто вы такой?	11
Глава 4. Я такая дура!	13
Глава 5. Демьян.	16
Глава 6. Вам нужно кое-что узнать о вашем браке.	19
Глава 7. Она была его третьей женой.	21
Глава 8. Снимите халат!	23
Глава 9. Демьян.	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Глава 1. Ослики, оливки и запах лжи

— Чем ворон считать, лучше бы пошла да нашла своего мужа, – с укором произнесла моя новоявленная свекровь, и её рот сжался в подобие куриной гузки.

Ух, противная женщина досталась мне в родственнички.

— А я и не считаю, – ответила я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. – Мой муж свободный человек. Может гулять и находиться там, где ему удобно.

— Свободный? – Она поджала губы ещё сильнее, отчего лицо её приобрело выражение оскорблённой курицы, наступившей на собственное яйцо. – Он теперь не свободный, а женатый. На... тебе. Знала бы моя матушка, на ком женился её внук, с того бы света вернулась, чтобы не дать беде случиться.

Она окинула меня взглядом с ног до головы. Тяжёлым, липким, словно взвешивала, много ли во мне того, что можно продать на рынке.

— Моя мать вырастила сына для достойной греческой девушки, – продолжила она, повышая голос ровно настолько, чтобы я слышала, а окружающие нет. – А он привёз из России... как там вас называют? Ой, извините, запамятовала. Только не обижайся. Я же ничего плохого не сказала. Просто у нас в Греции женщины знают своё место. Мужу под ноги смотрят, а не по гостям шастают в поисках приключений.

— Вы правы, кирия Элени, – улыбнулась я, чувствуя, как желчь поднимается к горлу. – Наверное, поэтому ваша София так хорошо смотрит под ноги, что споткнулась о моего мужа. Но это же случайно вышло, правда? Или она просто ноги раздвинула, когда увидела, куда смотреть?

Свекровь побагровела. Её куриная гузка задрожала.

— Ты... как ты смеешь... София дочь моей кумы! Она воспитана в лучших традициях! Не то что некоторые, кто приезжает в чужую страну, открывает рот, где не просят, и думает, что ей всё позволено!

— О, я и не думала, что мне всё позволено, – я поправила фату, которая съехала набок. – Просто у нас в России женщины, знаете ли, тоже смотрят под ноги. Особенно когда идут к алтарю. Чтобы не наступить в то, что после себя оставляют ослики. Или некоторые мужчины. Я развернулась и пошла прочь, чувствуя спиной её прожигающий взгляд.

— Всё скажу сыну! – донеслось мне вслед. – Всё расскажу, какой ты неблагодарной выросла! Тридцать сребреников за тебя заплатили, а толку!

Я не обернулась. Только ускорила шаг. Подхватила подол платья и пошла искать своего мужа Алексиса.

Я оглядела танцплощадку, где мама, разругавшаяся и сбившая каблуки, отплясывала сиртаки с толстым дядей Йоргосом. Гости пили, ели, кричали. Алексиса не было рядом уже полчаса. Может, больше.

— Кать, ты Алексиса не видела?

Подруга оторвалась от бутылки узо, прищурилась:

— Ходил тут с какими-то своими. Минут двадцать назад. Может, курит?

— Он не курит.

— Ну, значит, разговаривает. Расслабься, Любаша! Ты теперь замужняя женщина!

Она икнула, чмокнула меня в щёку и исчезла в толпе. А я не могла расслабиться. Что-то царапало изнутри, грызло, не давало дышать. Сначала я списала это на суету. Но Алексис никогда не исчезал надолго. Всегда держал меня за руку, всегда смотрел в глаза. Он говорил, что не может без меня и минуты.

А сегодня прошло целых тридцать.

Обогнула зал – нет. Заглянула в бар тоже нет.

Спросила его кузена, тот был пьян, мычал что-то невнятное и тыкал пальцем в сторону кухни. На кухне орали повара, но Алексиса там не было.

Официантка с пустым подносом кивнула на заднюю дверь:

— Там, за рестораном. С осликами.

Я вышла на улицу. Стало тише. Только цикады стрекотали да где-то вдали слышался шум свадьбы. Пахло навозом, сухой травой и чем-то сладковатым. Загон с тремя уснувшими осликами, которые даже не шевельнулись. Я хотела уйти, но вдруг услышала звук. Влажный, ритмичный. И сдавленный женский стон.

Кровь отхлынула от лица, ноги стали ватными. Я сделала шаг вперёд, заглянула за угол каменной стены, где стояла телега с сеном. Свет от одинокого фонаря падал на две фигуры.

Я узнала спину Алексиса. Широкие плечи, загорелая кожа. Его льняная рубашка, которую я выбирала ему в Афинах была расстёгнута и болталась на локтях. Он стоял на коленях в сене, прижимая к себе женщину. Ноги обвивали его бёдра. Руки вцепились ему в волосы.

София.

Подруга детства моего мужа. Та самая, про которую свекровь говорила мне: «Она как дочь, такая славная девочка». Я видела её всего несколько раз. Она всегда мило улыбалась, всегда говорила комплименты.

Сейчас она не была славной. Сейчас её глаза были закрыты, рот приоткрыт, и она издавала те самые влажные, ритмичные звуки.

Мир не рухнул с грохотом. Не взорвался с треском. Просто что-то щёлкнуло в голове, и наступила ледяная, абсолютная тишина. Я смотрела на них, и меня тошнило.

Алексис услышал мой всхлип. Резко обернулся. На его красивом, любимом, родном лице застыла маска ужаса.

— Любава!

Он попытался отстраниться. Дёрнул бёдрами. И замер. Дёрнул снова. Не выходило. У него ничего не выходило да и он сама походу... застрял.

Его глаза округлились. Он посмотрел вниз, потом на меня, потом снова вниз. Из горла вырвался сдавленный, панический звук. София открыла глаза, увидела меня и завизжала.

— Стой! – заорал Алексис. – Любава, стой! Я не хотел! Это вышло случайно!

— Случайно?! – мой голос сорвался на визг. Связки, казалось, рвались от напряжения. – Ты трахаешь её на нашей свадьбе случайно?!

Он дёргался, багровел, скрипел зубами, махал руками, как ветряная мельница, а его бёдра совершали какие-то судорожные, нелепые движения.

Какая-то жестокая ирония сковала его в тот самый момент, когда он должен был отпрянуть с позором. София вскрикивала, пыталась отодвинуться, но мышцы, казалось, держали моего мужа мёртвой хваткой.

— Это не то, что ты думаешь! – выкрикнул он. – Она сама! Я зашёл проверить осликов! Она подошла! Я не...

— Ты зашел проверить осликов?! – Я сорвала фату с головы и швырнула в него. – И случайно попал членом в свою подругу?! Так что ли?

Он дёрнулся в последний раз. Раздался звук, похожий на то, как вытаскивают ногу из болота. София вскрикнула, Алексис рухнул на четвереньки прямо в сено, пытаясь натянуть штаны. Он путался, падал лицом в навоз, а я стояла и смотрела на это представление.

И мне (странно конечно), но мне было смешно до колик в животе.

— Любава, умоляю! – Он поднял руки, шагнул ко мне. Штаны были натянуты задом наперёд, рубашка болталась, на губах... помада. – Я люблю тебя. Это ничего не значит. Она сама пришла. Я был пьян и не понимал, что делаю.

Он схватил меня за руку, но я оттолкнула его, не в силах терпеть. Алексис не удержался и поскользнувшись на влажном сене, упал. Я лишь махнула рукой и отвернулась, чтобы уйти. Но в этот момент услышала истошный крик Софии.

– Что ты наделала, дура?! Ты же его убила!

Глава 2. Без тормозов!

Я обернулась. София стояла над распластанным в сене Алексисом, её лицо было белым как мел. Она трясла его за плечо, но он не двигался. Его глаза были закрыты, голова безвольно запрокинута.

Сердце пропустило удар.

Я смотрела на мужа, который минуту назад разговаривал со мной, а теперь лежал неподвижно. София продолжала кричать.

— Помогите! Кто-нибудь! Она его убила!

Я стояла, не в силах пошевелиться. В голове билась одна мысль: неужели? Неужели я...

Но Алексис вдруг застонал. Медленно, очень медленно он приподнялся, опираясь на руки. Открыл глаза, мутные, ничего не понимающие, и посмотрел на меня.

— Любава... – прохрипел он.

Я выдохнула. И в этот выдох вместились всё: и облегчение, и отвращение, и ледяное спокойствие, которое приходит, когда боль достигает своего предела и перестаёт чувствоваться.

— Прости меня, то была ошибка, – прошептал он. – Слабость. Я не знаю, что на меня нашло. Она меня поцеловала, я растерялся...

— Растерялся? – я рассмеялась. Смех вырвался из горла сухой, истеричной волной. – Ты растерялся и решил засадить ей по самые яйца? Прямо здесь? Прямо сейчас? На нашей свадьбе?!

— Она сказала, что хочет попрощаться, – бормотал Алексис, поднимаясь. – Что она грустит, что я женюсь, она плакала, я хотел её утешить...

— Утешить?! – Я сделала шаг вперёд. Мне хотелось вцепиться ему в лицо. Выцарапать эти глаза, которые смотрели на меня с такой любовью всего два часа назад. – Ты засунул в неё свой член, чтобы утешить?!

— Не надо так, Любава, – его голос стал жалким, просящим. Он потянул ко мне руки. – Ты же понимаешь, мужчина это не то, что женщина. У нас тело отдельно от души. Я люблю тебя. Только тебя. А это просто... физиология. Это ничего не значит.

Я посмотрела на его руки. На кольцо, которое я надела ему на палец два часа назад.

— Ничего не значит? – повторила я. – Ты трахаешь другую через два часа после того, как поклялся мне в вечной любви перед Богом, и это ничего не значит?

— Это правда! – он сделал шаг ко мне. – Клянусь! Я люблю только тебя! Она ничего для меня не значит! Это просто секс!

— Просто секс, – кивнула я. – На нашей свадьбе. С подругой, которую твоя мать хотела видеть своей невесткой. Просто секс.

— Не будь такой... эмм... злокой, – он закусил губу, подбирая слово. – Давай поговорим спокойно. Мы же взрослые люди. Все же это не конец света.

Я смотрела на этого красивого, улыбчивого, обаятельного мужчину, которого я любила. Которому верила. Которому открыла своё сердце. Который сейчас стоял передо мной в штанах задом наперёд, с помадой на губах и пытался оправдаться за случайный трах на нашей свадьбе.

— Не конец света? – тихо спросила я. – А что, по-твоему, конец света? Когда я застану тебя в постели с моей мамой?

Он поморщился и отвёл глаза.

— Ты преувеличиваешь, – буркнул он. – Это была одна ошибка. Одна маленькая ошибка. Неужели ты готова разрушить нашу семью из-за какой-то...

— Какая-то? – я перевела взгляд на Софию. Она уже натянула платье и теперь стояла, вцепившись в оглоблю телеги. Её трясло. – Ты слышишь, София? Ты для него «какая-то». Просто дырка. Он уже забыл, как стонал в тебе минуту назад.

— Любава! – рявкнул Алексис. В его голосе впервые прорезалась злость. – Хватит! Ты ведёшь себя как истеричка!

— Истеричка?! – я сделала шаг к нему. Теперь мы стояли друг напротив друга. Я смотрела ему в глаза. – Ты изменил мне через два часа после свадьбы. ТЫ. И я после этого истеричка?

— Я сказал, что это ничего не значит, – он сжал челюсти. – Что ты хочешь услышать? Что я её люблю? Не люблю. А тебя люблю. Так что успокойся и вернись на праздник. Люди ждут.

Я смотрела на него и не узнавала. Где тот страстный влюблённый грек, который клялся, что умрёт без меня? Который говорил, что я его воздух, его вселенная?

— Вернись на праздник? – переспросила я. – Ты хочешь, чтобы я вытерла слёзы, улыбнулась и пошла танцевать с человеком, который полчаса назад трахал другую женщину?

— Это было до того, как ты пришла, – он пожал плечами. – Сейчас уже всё кончилось. Я с тобой. Чего тебе ещё?

— Чего мне ещё, – повторила я. И вдруг меня накрыло. Вся боль, всё унижение, вся ярость, которую я сдерживала, вырвалась наружу. – Ты спрашиваешь меня, чего мне еще?!

Я швырнула в него букет. Пионы разлетелись белыми лепестками, ударили его по лицу.

— Как ты вообще смеешь говорить мне, что это ничего не значит?!

Я толкнула его в грудь. Он отшатнулся, наступил в кучу навоза, поскользнулся.

— Я любила тебя! – орала я, не понимая, что за бес в меня вселился. – Я поверила тебе! Я привезла сюда своих родителей, друзей! Я стояла перед алтарем и клялась тебе в любви! А ты в это время думал, когда сможешь присунуть своей подруге детства?!

— Успокойся! – он схватил меня за запястье и больно сжал. – Ты привлекаешь внимание!

— Пусть слышат! – Я вырвалась и сделала шаг в сторону. – Пусть все знают, какой ты МУДАК!

— Любава, я тебя умоляю, – его голос снова стал просящим. – Мы можем всё решить. Я куплю тебе что хочешь. Машину. Дом. Всё, что захочешь. Только не скандал. Пожалуйста.

— Ты хочешь меня купить? – я смотрела на него с отвращением. – Ты думаешь, меня можно купить?

— Я лишь хочу всё исправить, – он потянулся ко мне. – Я люблю тебя. Я докажу. Я больше никогда...

— Не трогай меня, мразь, – я отшатнулась. – Не прикасайся ко мне этими руками. Они только что лапали её.

— Любава...

— Я вышла за тебя замуж, – сказала я, и голос мой дрожал. – Я верила тебе. Я оставила свою страну, работу, жизнь. Поехала в чужую страну ради тебя. А ты... ты даже не смог продержаться до конца свадебного ужина.

— Это была ошибка... милая моя.

— Ты прав, – сказала я. – Ошибка. И я её совершила в тот день, когда ответила на твоё сообщение.

Я сорвала кольцо с пальца. Смотрела на него, белое золото, бриллиант, который я выбирала так долго.

— Не надо, – прошептал Алексис. В его глазах появился страх. – Пожалуйста, не надо.

— Ты сказал, что это ничего не значит, – я сжала кольцо в кулаке. – Что ж, я с тобой согласна.

Я замахнулась, чтобы швырнуть кольцо ему под ноги.

— Любава! – заорал он. – Осторожно!

И в этот момент сзади раздался визг тормозов.

Визуализация героев

Дорогие мои читатели, добро пожаловать в немного драматичную, но местами курьезную историю любви.

Она начнется сначала в жаркой Греции, а потом мы перенесемся в теплую Россию!

НАДЕЮСЬ ВАМ ПОНРАВИТСЯ ЭТА ИСТОРИЯ И ВЫ НАГРАДИТЕ АВТОРА ЛАЙКАМИ, СЕРДЕЧКАМИ И ПОДПИСКОЙ!

А СЕЙЧАС я хотела бы вас познакомить с нашими героями

Итак,

Любава Останина, 27 лет,
работала фотографом на свадьбе, была своя студия, которую она продала прежде чем уехать в Грецию.

Алексис Пападопулос, 32 года,
Совладелец семейного бизнеса — сеть оливковых рощ и производство оливкового масла высшего сорта.

София Атанасиаду (подруга детства мужа, любовница), 30 лет
Владелица небольшого цветочного магазина «Anthos» (в переводе с греческого — «цветок») в центре Нафплиона.

Кирия Элени Пападопулу (свекровь), 58 лет
Родилась в семье владельцев оливковой рощи на Пелопоннесе. Всю жизнь прожила в Греции, замуж вышла по договорённости родителей, брак считает удачным, хотя мужа (Янниса) не то чтобы любит — скорее, терпит и командует им.

Друзья, если вам понравились наши герои, напишите об этом в комментариях, мне будет приятно!

Это еще не ВЕСЬ визуал, скоро подъедет еще))

Глава 3. Кто вы такой?

Я замерла. Рука с кольцом застыла в воздухе. Я резко обернулась.

У ворот ресторана, в паре метров от меня, остановился огромный чёрный внедорожник. Дверь открылась, и из машины вышел мужчина.

Высокий, широкоплечий мужчина с резкими чертами лица, напоминающими маску из античной трагедии. Тёмные волосы на висках тронула седина, а волевая челюсть придавала ему решительный вид. Он был одет просто: светлая рубашка с закатанными рукавами, обнажающими сильные предплечья, и брюки. На запястье красовались дорогие часы, но в нём чувствовалась порода, которую не купишь за деньги. Она либо есть от рождения, либо её нет вовсе.

Он смотрел на меня и на кольцо в моей руке. На моё свадебное платье, которое всё ещё было целым, но успело покрыться грязью на подоле и на фату, съехавшую набок. На лицо, размазанное в ноль, с дорожками слёз, которые я даже не пыталась скрывать.

— Чёрт возьми, – сказал он. Голос низкий, спокойный, с лёгкой хрипотцой, которая почему-то заставила мои плечи чуть расслабиться. – Вы живы?

— Кто вы такой? – рявкнул Алексис из-за моей спины, пытаясь подняться из навоза. Его голос звучал жалко, но он всё равно пытался казаться грозным.

Мужчина не обратил на него внимания. Даже взглядом не удостоил.

Он сделал шаг ко мне.

— Садитесь, – сказал он.

Просто и спокойно. Так, будто это самое очевидное решение в мире.

Я посмотрела на кольцо в своей руке. Потом на Алексиса. Он стоял в двух шагах, грязный, растерянный, с мольбой в глазах. Навоз стекал по его лицу, по льняной рубашке, которую я выбирала ему в Афинах.

— Любава, иди сюда, – прошептал он. – Давай поговорим. Мы всё решим.

Я смотрела ему в глаза, но видела только пустоту и усталость. Любви там больше не было – она была растоптана грязными ботинками в этом загоне для осликов.

— Решим? – переспросила я. Голос прозвучал тихо, почти безжизненно. – Ты изменил мне через два часа после венчания. Что тут решать?

Я разжала пальцы.

Кольцо упало на землю, последний раз сверкнуло на прощание бриллиантом, который я выбирала так долго, так трепетно и затерялась где-то в соломе.

— Любава! – Алексис бросился за ним, упал на колени, пытаясь поймать его. Я слышала, как он шарит руками по земле, как матерится по-гречески, как зовёт Софию на помощь.

А я стояла и смотрела на это, чувствуя, как внутри меня что-то окончательно обрывается.

И тут я почувствовала тёплую ладонь на своей талии.

Я вздрогнула. Подняла глаза.

Мужчина стоял рядом. Так близко, что я чувствовала запах его одеколона – дерево, кожа, пряный орех. И тепло, исходящее от его тела, такое сильное, что оно пробивалось даже сквозь мой ледяной озноб.

— Вы позволите? – спросил он. Голос тихий, но в нём слышалась сталь, не терпящая возражений.

Я не успела ответить.

Он подхватил меня на руки – легко, словно я весила не больше той фаты, что волочилась за мной по земле. Я инстинктивно вцепилась ему в плечо, чувствуя под пальцами жёсткую ткань рубашки и твёрдые мышцы.

Моё сердце пропустило удар. Второй раз за этот вечер, но совсем по другой причине.

— Что ты делаешь?! – заорал Алексис с земли. Он наконец поднялся, сжимая в грязной руке моё кольцо. – Отпусти её! Она моя жена!

Незнакомец не обернулся. Он нёс меня к машине широкими, уверенными шагами, и я чувствовала, как его дыхание касается моего виска – ровное, спокойное, контрастирующее с моим сбивчивым.

— Я вызову полицию! – кричал Алексис. – Ты похищаешь мою жену!

— Какую жену? – тихо спросил мужчина, обращаясь только ко мне. Губы его почти касались моего уха. – Он вообще заслуживает этого слова?

Я не ответила.

Я не могла.

Горло сжал спазм, и я только сильнее вцепилась в его плечо, чувствуя, как слёзы снова текут по щекам. Позорные, ненужные, бесконечные.

Он открыл дверцу внедорожника, бережно опустил меня на кожаное сиденье. Его руки задержались на мгновение – проверяя, удобно ли мне? Или что-то другое? Я не знала. Я вообще ничего не знала в этот момент.

— Любава! – Алексис бежал к нам, размахивая руками. В одной руке он сжимал кольцо, в другой – пытался удержать сползающие штаны. София семенила следом, что-то истерично лепеча по-гречески.

Незнакомец захлопнул дверцу, отрезая меня от этого кошмара.

Он обошёл машину, сел за руль. Я смотрела на его профиль – резкий, с тяжёлой челюстью и сжатыми губами. Он не выглядел злым. Скорее сосредоточенным. Как человек, который привык решать проблемы быстро и без лишних слов.

— Держитесь, – сказал он.

Двигатель взревел. Я вжалась в сиденье, когда внедорожник сорвался с места.

В боковое зеркало я видела Алексиса. Он стоял на коленях посреди парковки, сжимая в руке кольцо, и орал что-то, что тонуло в рёве мотора и стрекоте цикад. София пыталась его поднять, но он отмахивался. Фигура его становилась всё меньше, пока не растворилась окончательно.

Я откинулась на сиденье, закрыла глаза.

Слёзы всё ещё текли и я наконец-то перестала их сдерживать. Пусть текут. Мне уже всё равно.

В машине было тихо. Только урчал двигатель да шуршали шины по асфальту. Пахло кожей, дорогим парфюмом и... спокойствием. Я вдруг поняла, что перестала дрожать. Впервые за последние полчаса.

— Куда вы меня везёте? – спросила я, не открывая глаз.

— Туда, где вас никто не найдёт, – ответил он.

— Это угроза? – я всё же открыла глаза и посмотрела на него.

Он бросил на меня быстрый взгляд. И мне показалось, или уголок его рта действительно чуть приподнялся?

— Это обещание.

— Обещание чего? – удивленно спросила я.

— Скоро узнаете.

Глава 4. Я такая дура!

Я хотела возразить, спросить ещё что-то, но слова застряли в горле. Усталость навалилась тяжёлой волной, и я просто отвернулась к окну, наблюдая, как за стеклом проплывают силуэты кипарисов, похожие на свечи.

Мы ехали молча. Минут десять, а может, двадцать. Я потеряла счёт времени. В ушах всё ещё звучал крик Алексиса, перед глазами стояла картина - его руки на теле Софии, её запрокинутая голова, этот влажный, ритмичный звук. Я зажмурилась, пытаюсь прогнать наваждение.

Машина свернула с основной дороги на узкий просёлок, петляющий между холмами. Я снова открыла глаза. Впереди показалось море – синее, бескрайнее, с серебряной дорожкой от луны. Дорога пошла вниз, и через несколько минут внедорожник остановился.

— Выходите, – сказал мужчина и первым открыл дверь.

Я выбралась наружу и замерла.

Мы стояли на небольшом пустынном пляже. Где-то внизу, в паре метров от нас, лениво лизала береговая линия, оставляя на песке кружево пены. Скалы уходили в море тёмными силуэтами, а над головой простиралось небо, такое огромное, что у меня перехватило дыхание.

— Красиво, – выдохнула я, сама не ожидая, что смогу произнести хоть слово.

— Да, – ответил он, но смотрел не на море, а на меня.

Я заметила это краем глаза и смутилась. Провела рукой по лицу, наверняка размазывая остатки слёз и туши. Какая же я, должно быть, жалкая сейчас: в свадебном платье, с грязным подолом, с лицом, похожим на маску клоуна после дождя.

— Я... – начала я и замолчала. Слова не шли, стояли в горле комом.

Он стоял рядом, не торопил, просто смотрел на море. Ветер трепал его волосы, и в лунном свете седина на висках казалась серебряной.

— Я любила его, – сказала я тихо, глядя в темную воду. – Правда любила. Думала, он – моё счастье. Моё будущее. Моя жизнь.

Мужчина молчал. Но его молчание было не тяжёлым, а каким-то... поддерживающим. Как будто он просто был рядом, и этого было достаточно.

— Я оставила ради него всё, – продолжала я, чувствуя, как голос начинает ломаться. – Родину. Любимую работу. Друзей. Родителей. Я верила каждому его слову. Каждому взгляду. Я думала, что он тоже меня любит. А он... он даже не смог дождаться конца свадебного ужина.

Я замолчала.

Слёзы снова потекли по щекам, но я уже не пыталась их сдерживать.

— Я такая дура, – прошептала я, вытирая лицо ладонями.

— Вы не дура, – сказал он тихо. – Вы просто верили и любили.

Я подняла на него глаза. Он протянул мне белый, чистый платок и бутылку воды.

— Выпейте, – сказал он. – Станет легче.

Я взяла. Руки дрожали, вода расплескалась, но я сделала несколько глотков. Прохладная жидкость скользнула в горло, принося облегчение.

Мы снова замолчали.

Он отвернулся к морю, и я наконец смогла рассмотреть его профиль – резкий, жёсткий, но в нём не было той пугающей холодности, которую я почувствовала в первую минуту. Скорее, привычка держать дистанцию.

— Спасибо, – выдохнула я, вытирая лицо платком. – Вы даже не знаете, кто я.

Он медленно повернулся ко мне. В свете солнца его глаза казались почти чёрными.

— Я знаю, вас зовут Любава, – сказал он спокойно. – Вы сегодняшняя невеста. И, кажется, вам нужно принять душ и выпить кофе. У меня есть дом на горе.

Я замерла.

— Откуда вы...

— Я был на свадьбе, – ответил он, и в его голосе мне почудилась странная нотка. – Точнее, проезжал мимо. Услышал шум, увидел невесту, которая швыряет кольцо в жениха, и понял: что-то пошло не так.

— И решили меня украсть? – спросила я, чувствуя, как впервые за этот вечер уголки губ дрогнули в подобии улыбки.

— Решил, что невесте в свадебном платье не место в ослином загоне, – ответил он, и теперь я точно увидела, как его губы изогнулись в лёгкой усмешке. – Даже если она сама туда пришла.

Я фыркнула.

— Вообще-то я пришла туда искать мужа. А нашла...

— То, что искали, – закончил он за меня.

Я посмотрела на него с удивлением. Этот странный мужчина, который подобрал меня на парковке, посадил в свою машину, привёз на пустынный пляж... он говорил так, будто понимал меня. Или, по крайней мере, пытался понять.

— Кто вы? – спросила я прямо.

Он помолчал, глядя на море.

— Демьян, – сказал он наконец. – Демьян Муромский.

— Русский?

— Русский. Живу между Москвой и Афинами. Здесь у меня бизнес, дом... и сегодня был свободный день, который, как я вижу, прошёл не зря.

Я усмехнулась.

— Да уж, развлекались мы на славу.

— Я заметил, – ухмыльнулся он.

Я посмотрела на своё платье, на грязный подол, на фату, которая окончательно съехала набок, и неожиданно для себя рассмеялась. Смех вышел хриплым, надорванным, но в нём не было истерики. Просто осознание абсурда всего происходящего.

— Боже, на кого я похожа, – выдохнула я, вытирая слёзы, которые вдруг смешались с этим смехом.

— На невесту, которая сбежала со свадьбы, – спокойно ответил Демьян. – И, кажется, сделала правильный выбор.

Я замолчала, обдумывая его слова.

— Я не знаю, правильный или нет, – сказала я тихо. – Я просто... не могу оставаться с человеком, который предал меня через два часа после венчания. Не могу.

— И не надо, – сказал он просто, как будто это было самое очевидное решение в мире. – А теперь поехали. Вам нужно отдохнуть.

Он направился к машине, но на полпути обернулся.

— Идёте?

Я посмотрела на море, на скалы, на эту тихую, спокойную красоту, которая так не вязалась с тем хаосом, что творился в моей душе. Потом перевела взгляд на Демьяна. Он стоял, прислонившись к внедорожнику, и терпеливо ждал.

— А вы всегда такой... – я запнулась, подбирая слово, – заботливый с невестами, которых подбираете на парковках?

Он чуть склонил голову, и его лицо показалось мне красивым. Не той гладкой, кукольной красотой, как у Алексиса, а мужской, зрелой, выточенной временем.

— Только с теми, кто швыряет бриллиантовые кольца в ослиный навоз, – ответил он.

Я рассмеялась.

— Кстати, – я сделала шаг к нему, – я так и не сказала: спасибо. Правда. Вы появились в тот момент, когда я... не знаю, что бы я сделала. Может, наделала бы ещё больше глупостей.

— Вы уже сделали одну, – сказал он, открывая передо мной дверцу. – Вышли замуж не за того человека.

Я села в машину, и он захлопнул дверцу. Обойдя внедорожник, устроился на водительском сиденье, и мы снова поехали. Только теперь уже в гору, по извилистой дороге, среди кипарисов и оливковых рощ.

— Демьян? – спросила я тихо, когда впереди показались огни дома, стоящего на вершине холма.

— М?

— У вас всегда есть готовый ответ на всё?

Он бросил на меня короткий взгляд.

— Нет, – сказал он. – Просто сегодня у меня был хороший вечер.

Я хотела спросить, что он имеет в виду, но машина уже въезжала в распахнутые ворота, и передо мной открылся дом.

Белый, двухэтажный, с огромными окнами, выходящими на море. Внутри горел мягкий свет, а из открытых дверей пахло деревом и чем-то ещё, что я не могла определить.

— Выходите, – сказал Демьян, глуша двигатель. – Душ, кофе и отдых. Всё остальное подождёт до утра.

Я вышла из машины, поднимая подол испачканного платья, и вдруг поняла, что совсем не боюсь этого незнакомца.

Не боюсь его дома, его вопросов, его молчания. Впервые за этот долгий, кошмарный день я чувствовала что-то, кроме боли и унижения.

Я чувствовала... надежду.

Совсем крошечную, едва заметную, как огонёк свечи на ветру. Но она была.

— Спасибо, – сказала я, глядя в его тёмные глаза, в которых отражался свет из окон. – Вы даже не знаете, насколько.

— Знаю, – ответил он тихо. – Идёмте. Кофе остынет.

Глава 5. Демьян.

Я ехал на эту свадьбу как на задание.

Не в прямом смысле, конечно. Никаких спецслужб, никаких контрактов. Просто дело чести. Или, если хотите, дело мести за сестру.

Три года назад Наташа, моя младшая сестра, вернулась из Греции разбитая, опустошённая и с таким взглядом, который я не забуду до конца своих дней. Она тогда сказала только одно:

«Он сказал, что это ничего не значит. Просто физиология».

Я не понял. А когда понял, было поздно. Алексис Пападопулос красивый, обаятельный, с улыбкой, которая открывала любые двери женился на ней, обобрал её, как липку, выжал всё, что можно было выжать из приданого, а через два месяца после свадьбы она застала его в постели с другой. С той, кого его мать называла «славной девочкой».

Я тогда хотел приехать. Сломать ему нос. Или позвоночник. Но Наташа запретила.

– Не надо, Демьян, – сказала она, глядя в пол. – Он того не стоит. И я сама виновата. Надо было лучше смотреть.

А потом замкнулась, перестала выходить из дома. Тогда родители решили отвезти ее психологу. Всего полгода и она вроде как пришла в себя и даже простила того грека.

Вот только я... не простил.

Я просто ждал.

Ждал, когда этот грек снова полезет на рынок невест. И он полез. Через год. Мне сообщили знакомые в Афинах: Пападопулос женится. На русской. Её зовут Любава Останина. Фотограф из Москвы. Девушка творческая, не бедная, но и не богатая. Родители – обычные люди, никаких миллионов. Значит, не деньги ему нужны? Что же тогда?

Я начал копать. И нашёл.

Он уже был женат три раза. Моя Наташа была третьей. Первая – гречанка, дочка владельца сети отелей. От неё он получил кругленькую сумму на развитие семейного бизнеса. Вторая – итальянка, наследница виноградников. Тоже неплохо погрелся. С каждой он разводился тихо, без скандалов, оставляя женщинам разбитые сердца и пустые счета. А сам при этом становился всё богаче.

Но с русскими у него был особый подход. Он знал, что русские девушки – романтические, доверчивые, готовые ради любви на всё. Он дарил им сказку, вёл к алтарю, а потом...

«Это ничего не значит. Просто физиология».

Я поклялся, что в этот раз у него ничего не выйдет. Что я буду там. Что я вытащу эту девушку из его лап, даже если придётся устроить скандал на всю Грецию.

Но всё пошло не по плану.

Я выехал из Афин в семь утра. Свадьба была в Нафплионе, в ресторане «То Лимáni», начало венчания — в час дня. Я рассчитывал приехать за час-полтора до церемонии, найти жениха, посмотреть ему в глаза и сказать: «Алексис, помнишь Наташу? Её брат хочет с тобой поговорить». А там — по обстоятельствам. Может, просто припугнуть. Может, вывести на чистую воду перед гостями. Может, просто показать, что за этой невестой есть кому заступиться.

Но в машине вдруг замигал датчик топлива. Я выругался. Заправился на первой же станции, но потерял сорок минут. Потом, выезжая из Коринфа, попал в пробку. Греческие пробки это отдельный вид искусства. Кто-то решил, что двухполосная дорога это отличное место, чтобы припарковаться и пойти пить кофе. И все дружно поддержали.

Я сидел за рулём, смотрел на часы и чувствовал, как во мне закипает злость.

Час дня. Венчание началось.

Я всё ещё стоял в пробке.

Два часа. Я только выехал на трассу.

Три. Я был в Нафплионе, но ресторан на другом конце города, а улицы узкие, и какая-то свадебная процессия перекрыла движение. Чья бы это могла быть? Ах да, его.

Ресторан гудел. Гости танцевали, пили, кричали «Опа!». Свадьба была в самом разгаре. Я понял, что опоздал. Опоздал к венчанию. Опоздал сказать ему всё в лицо до того, как он надел ей кольцо на палец.

Я стоял у ворот, смотрел на этот праздник жизни и чувствовал, как кулаки сжимаются сами собой. Не успел.

Чёрт возьми, я не успел. Наташа будет разочарована. Нет, Наташа ничего не узнает. Я ей не говорил, что еду. Не хотел беречь старые раны.

Я уже развернулся, чтобы уйти, когда услышал крики.

Они доносились откуда-то с заднего двора. Женский голос, надрывный, истеричный. Потом мужской — злой, требовательный. А потом я увидел её.

Она стояла у загона с осликами, вся дрожащая, с кольцом в руке. А он что-то кричал ей, протягивал руки, и я видел, как она колеблется. Секунда — и она могла бы передумать. Могла бы простить. Поверить. Остаться.

Я не дал ей этого шанса.

Я нажал на газ. Внедорожник взревел, влетел на парковку у ворот, остановился. Я выскочил из машины и быстрым шагом направился к заднему двору. Увидел её — она стояла спиной ко мне, Алексис напротив, грязный, жалкий, с мольбой в глазах.

— Любава, не уходи! — кричал он. — Я люблю тебя! Это ничего не значит!

Я подошёл ближе. Она не слышала меня или не хотела слышать. Вся её фигура выражала такое напряжение, будто она стояла на краю обрыва.

— Не трогай меня, — услышал я её тихий, надрывный голос. — Не прикасайся ко мне этими руками.

Алексис сделал шаг, и тогда я вышел из тени.

— Чёрт возьми, — сказал я, глядя на неё. — Вы живы?

Алексис что-то орал за спиной, но я его не слушал. Я смотрел на неё. На её платье, которое ещё утром наверняка было белым, а теперь — в пыли и грязи. На её руки, которые тряслись. На её лицо, с которого смыло всю ту иллюзию, что он ей подарил.

— Садитесь, — сказал я.

Она смотрела на кольцо, потом на него, потом на меня. И я видел, как внутри неё идёт борьба. Всё, чему её учили: будь терпеливой, прощай, дай второй шанс, семья — это святое. Всё это тянуло её обратно.

Но она сделала правильный выбор.

Кольцо упало на землю. Она развернулась и шагнула ко мне.

Я аккуратно приподнял ее и прижал к себе.

Она была лёгкой, как перо, и холодной, как лёд. Она вцепилась мне в плечо, и я почувствовал, как её пальцы дрожат. Всё тело дрожало. Я посадил её в машину, захлопнул дверцу, отсекая этот кошмар.

Она смотрела в окно на него, стоящего на коленях с кольцом в руке, и я видел, как по её щекам текут слёзы. Я завёл двигатель.

— Держитесь, — сказал я.

Мы уехали.

Я вёз её на пляж, потому что сам когда-то после тяжёлого разрыва уехал к морю. Вода смывает всё. Или хотя бы даёт иллюзию, что можно начать сначала. Она молчала всю дорогу, и я не торопил. Ей нужно было переварить то, что случилось. А может, просто выплакаться.

На пляже она вышла из машины и замерла. Смотрела на море, на скалы, и я видел, как её плечи постепенно расслабляются. Вода делала своё дело.

Она начала говорить. Сбивчиво, надрывно, срываясь на слёзы. Про любовь, про доверие, про то, как оставила всё ради него. Я слушал и думал о Наташе. Она говорила почти теми же словами. Те же интонации, те же слёзы, та же боль. Будто Алексис пользовался одним сценарием.

Я протянул ей платок и воду.

— Я такая дура, – прошептала она, вытирая лицо ладонями.

— Вы не дура, – ответил тихо. – Вы просто верили и любили.

Она посмотрела на меня.

— Выпейте воды. Станет полегче.

Она спросила, кто я. Я не стал вдаваться в подробности. Не время. Не место. И не тот разговор, который нужно вести, когда девушка только что разбила свою жизнь вдребезги.

— Я знаю, вас зовут Любава, – сказал я. – Вы сегодняшняя невеста. И, кажется, вам нужно принять душ и выпить кофе. У меня есть дом на горе. Поехали?

Глава 6. Вам нужно кое-что узнать о вашем браке.

Я проснулась оттого, что кто-то настойчиво пытался меня разбудить.

Сначала это был свет – слишком яркий, слишком наглый, он лез сквозь веки, заставляя морщиться. Потом был запах кофе. Свежий, густой, с нотками кардамона. А затем услышала мужской голос, но не тот, который ожидала.

— Любава? Вы проснулись?

Я открыла глаза и увидела белый потолок. Белые стены и шторы, колышущиеся от ветра. За окном раскинулось синее и бескрайнее море, с золотой полосой от утреннего солнца.

Где я?

И тут вчерашний день обрушился на меня лавиной воспоминаний. Алексис, София, ослики, навоз. Кольцо, упавшее в солому. Руки незнакомца, спасшего меня. Море. Дом на горе.

Демьян.

Я резко села на кровати, оглядываясь. Гостиная комната оказалась огромной – больше, чем вся моя московская студия. Кровать с белоснежным бельём, в котором я утонула вчера вечером. Высокие окна во всю стену. А на прикроватной тумбочке – чашка кофе, стакан воды и записка.

Я потянулась к записке, но в этот момент дверь открылась.

На пороге стоял Демьян. Мой вчерашний спаситель. А сегодня просто мужчина в светлой рубашке с закатанными рукавами и тёмных брюках. Без вчерашнего полумрака, без игры света и теней, он выглядел... другим. Моложе, что ли? Или просто более человечным.

— Доброе утро, — сказал он, входя в комнату с подносом в руках. — Как спалось?

Я хотела ответить что-то вежливое, но из горла вырвался только хриплый звук. Горло саднило – вчерашние крики, слёзы, истерика дали о себе знать.

— Выпейте воды, — сказал он, ставя поднос на тумбочку. — И кофе. Кофе здесь хороший.

Я послушно взяла стакан, сделала глоток, потом ещё один. Вода была холодной, с ломтиком лимона, но она будто возвращала меня к жизни.

— Спасибо, — прошептала, чувствуя, как голос звучит хрипло и неестественно. — Я... вчера...

— Вчера вы отлично поужинали, выпили кофе, приняли ванну и уснули прямо в халате, — спокойно перебил он. — Я накрыл вас одеялом. Надеюсь, вы не замёрзли.

Я опустила глаза. На мне действительно был халат — махровый, мягкий, явно мужской. Под ним – ничего. Я вспомнила, как Демьян позвал какую-то женщину, экономку, наверное и та помогла мне раздеться. А потом я просто вырубилась. Провалилась в чёрную, бездонную пустоту без снов.

— Я... спасибо, — повторила я, чувствуя, как глупо это звучит. — За всё.

— Не за что, — он кивнул на чашку с кофе. — Пейте. Потом спуститесь вниз. Там вас кое-кто ждёт.

— Кто? — насторожилась я и внутри все сжалось.

— Адвокат, — сказал он, и в его голосе мне почудилась странная нотка удовлетворения. — Вам нужно кое-что узнать о вашем браке.

Сердце пропустило удар.

— О браке? — переспросила я. — Но мы же...

— Просто спуститесь, — мягко, но настойчиво сказал он. — И выпейте ещё кофе. Оно хорошо бодрит. Вам понадобятся силы.

Он вышел, закрыв за собой дверь, а я осталась сидеть на кровати, чувствуя, как внутри закипает тревога. Что он имел в виду? Что за адвокат? Что не так с моим браком?

Я сделала несколько глотков кофе. Он действительно был хорош, крепкий, с лёгкой горчинкой, и на ватных ногах побрела в ванную.

Через десять минут, чистая, причёсанная, в белом халате (другой одежды у меня не было, кроме грязного и порванного свадебного платья), я спустилась вниз. Демьян ждал меня в гостиной. Рядом с ним сидел мужчина в строгом костюме, с папкой в руках и серьёзным выражением лица.

— Любава, это Георгиос, мой хороший друг и адвокат, — представил Демьян. — Он занимается делами, связанными с греческим законодательством.

— Присаживайтесь, кирия Останина, — сказал адвокат с лёгким акцентом. — Нам нужно обсудить ваш брак.

Я села на диван напротив, чувствуя, как руки начинают дрожать.

— Что не так с моим браком? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо.

Адвокат открыл папку, достал какие-то бумаги, разложил их перед собой.

— Брак, заключённый между вами и Алексисом Пападопулосом вчера, не имеет юридической силы, — сказал он.

Я уставилась на него, не веря своим ушам. Холод пробежал по спине, оставляя за собой тысячи проснувшихся мурашек.

— То есть как не имеет? — переспросила я. — Мы венчались. Священник надел нам венцы, кольца. Я подписала все документы...

— Венчание в Греции, безусловно, имеет религиозную силу, — кивнул адвокат. — Но для того, чтобы брак считался действительным с юридической точки зрения, необходимо, чтобы все документы были оформлены правильно. В вашем случае... — он сделал паузу, перелистывая страницы, — этого не произошло. Поэтому ваш брак считается недействительным.

Глава 7. Она была его третьей женой.

— Что значит наш брак считается недействительным? – Я почувствовала, как внутри всё холодеет. – Я подписывала бумаги!

— Вы подписывали, – согласился адвокат. – Но подпись жениха отсутствует. Вернее, она есть, но выполнена не тем человеком.

Я не понимала. Совсем. Голова шла кругом.

— Объясните по-человечески, – попросила я, чувствуя, как к горлу подступает тошнота. Адвокат посмотрел на Демьяна. Тот кивнул.

— Кирия Останина, – адвокат откашлялся, – Алексис Пападопулос не подписывал брачные документы. Подпись поставил его кузен, который присутствовал на церемонии. Согласно греческим законам, брак, заключённый без личной подписи жениха, может быть признан недействительным. Особенно если есть доказательства того, что подпись была подделана.

Я сидела, не в силах пошевелиться. В голове гудело.

— Зачем? – прошептала я. – Зачем ему это?

Демьян, который до этого молчал, подал голос:

— Чтобы у вас не было прав на его имущество. Чтобы брак можно было легко аннулировать, когда он вам надоест. Или когда вы станете ему не нужны.

Я посмотрела на него. Его лицо было спокойным, но в глазах горел холодный огонь.

— Это... это правда? – спросила я у адвоката.

— У нас есть все основания полагать, что это так, – кивнул тот. – Экспертиза почерка подтвердит. Кроме того, мы нашли свидетеля, который видел, как кузен Алексиса ставил подпись вместо жениха.

Я закрыла лицо руками.

Всё это было слишком. Слишком. Вчерашняя измена. Сегодняшнее известие о фальшивом браке. Он не просто изменил меня, он даже не собирался жениться по-настоящему. Я для него была... кем? Игрушкой? Очередной дурочкой, которую можно обмануть, использовать и выбросить?

— Я не понимаю, — прошептала я, поднимая голову. — Зачем все так сложно? Зачем венчание, гости, родители, если он с самого начала не собирался...

— Это его схема, – сказал Демьян. Голос его был твёрдым, но в нём чувствовалась какая-то странная, сдержанная злость. – Он уже так делал... и не раз.

Я посмотрела на него.

— Откуда вы знаете?

Он помолчал. Я видела, как его челюсть сжалась, как на скулах заиграли желваки.

— Моя сестра, – сказал он наконец. – Наташа. Она была его третьей женой.

Мир снова рухнул. Громко и треснул напополам, подмяв меня под собою.

— Что? – выдохнула я.

— Он женился на ней три года назад, – продолжил Демьян, и я ощущала кожей, что каждое слово давалось ему с трудом. – Точно так же. Красивая свадьба. Клятвы в вечной любви. А через два месяца она застала его с другой. С той самой Софией. Он сказал ей те же слова: «Это ничего не значит. Просто физиология». И брак их был таким же фальшивым, без его подписи.

Я смотрела на него, и перед глазами всё плыло.

— Но зачем? – снова спросила я, чувствуя, как голос срывается на крик. – Зачем ему это всё? Деньги? Но у меня не так много их!

— Не только деньги, – Демьян встал, подошёл к окну, встал спиной ко мне. – Он получает удовольствие от самого процесса. От того, что влюбляет в себя женщин, а потом разбивает

им сердца. Ему нравится власть. Нравится чувствовать, что он может сделать с человеком всё, что захочет.

Я вспомнила вчерашнее лицо Алексиса. Его растерянность. Его мольбы. Его попытки купить меня домом и машиной.

А потом я вспомнила кое-что ещё.

— Он говорил... — начала я медленно, пытаюсь собрать обрывки воспоминаний. — Ещё до свадьбы. Он сказал, что у него было какое-то «старое дело». И что какая-то девушка чуть не убила из-за него. Я не придавала значения тогда. Думала, он преувеличивает или шутит.

Я подняла глаза на Демьяна. Он медленно повернулся ко мне.

— Какая девушка? — спросил он тихо. Голос стал низким, почти шёпотом. — Он называл имя?

— Нет, — я покачала головой, чувствуя, как внутри всё сжимается от его реакции. — Он сказал только: «Она была слишком эмоциональной. Хорошо, что всё обошлось».

Демьян закрыл глаза.

Я видела, как задрожали его руки. Как он сжал кулаки, чтобы унять эту дрожь. Как тяжело, с каким трудом он сделал вдох.

— Демьян? — осторожно позвала я. — Что случилось?

Он открыл глаза. И в них было столько боли, что у меня перехватило дыхание.

— Моя сестра, — сказал он, и голос его сорвался. — Она тоже пыталась. После того как все это случилось... она наглоталась таблеток.

Воздух в комнате стал вязким, тяжёлым. Я не могла дышать.

— Её спасли. Скорая приехала вовремя. Промыли желудок. Откачали. Но если бы отец не вернулся домой на час раньше... — он замолчал, сжав челюсть так, что желваки заходили ходуном. — Если бы он опоздал...

Он не договорил. Не смог.

— Она не рассказывала мне, — продолжил он через несколько секунд. — Я узнал от родителей. Через месяц. Когда приехал в Грецию, она уже была на антидепрессантах и не хотела никого видеть. Даже меня. Особенно меня — потому что я не смог её защитить.

— Вы же не знали, — тихо сказала я.

— Должен был знать, — он посмотрел на меня, и в его глазах горела такая ярость, что мне стало страшно. — Я должен был приехать раньше. Должен был разобраться с этим ублюдком ещё тогда. Но она запретила. Сказала: «Не надо, он того не стоит». А сама чуть жизнь себя не лишила.

Он отвернулся к окну, и я видела, как его плечи напряжены, как он борется с собой.

— Георгиос, — сказал он, не оборачиваясь, — проверь. Были ли у Пападопулоса другие женщины, которые пытались покончить с собой. Я хочу знать всё. Каждую. Каждую, кого он сломал.

Глава 8. Снимите халат!

— Сделаю, – тихо ответил адвокат и начал собирать бумаги.

Я сидела, вжавшись в диван, и чувствовала, как по щекам текут слёзы. Не за себя. За эту неизвестную девушку, которая чуть не умерла из-за Алексиса. За Наташу. За всех, кто поверил этому красивому лицу, этим сладким речам, этим пустым обещаниям.

— Демьян, – я встала и сделала шаг к нему. – Мне жаль. Мне правда очень жаль.

Он не обернулся.

— Вы не виноваты, – глухо сказал он. – Ни вы, ни она. Виноват только один человек и он ответит.

В комнате повисла тишина. Я стояла в халате, босиком на холодном полу, и смотрела на его широкую спину, на сжатые кулаки, на напряжение, которое, казалось, вот-вот разорвёт его изнутри.

— Она сейчас как? – спросила я тихо.

— Лучше, – ответил он после паузы. – Гораздо лучше. Вышла замуж. Живёт в Петербурге. Радуется жизни. Но шрамы остались.

Он наконец повернулся ко мне. Его лицо было спокойным, но глаза всё ещё горели.

— Поэтому я и приехал на вашу свадьбу, – сказал он. – Я знал, кто такой Алексис. Знал, что он за человек. И не хотел, чтобы вы стали его очередной жертвой.

— Вы хотели меня предупредить? – удивилась я.

— Хотел вытащить вас оттуда. До того, как он успеет сделать вам больно. Но опоздал. Опоздал к венчанию, опоздал сказать вам правду до того, как вы надели кольцо. Зато успел к финалу.

Я горько усмехнулась.

— К финалу, который он сам устроил.

— Он всегда сам всё рушит, – Демьян покачал головой. – Это его главная слабость. Ему мало просто обмануть, ему нужно все уничтожить. Доказать, что он может всё. Что он сильнее других. Что люди для него это просто игрушки.

— Но вы же... – я запнулась, – вы знали про него. Знали, что он делает. Почему не остановили раньше? Почему не рассказали полиции?

Демьян тяжело вздохнул.

— Потому что он умён. Все его браки оформлены так, что формально он ничего не нарушает. Подписи подделывают другие, деньги перетекают через счета, до которых не докопаться. А женщины... они молчат. Кому-то стыдно. Кому-то больно и страшно. Им кажется, что они сами во всем виноваты.

Он посмотрел на меня.

— Вы первая, кто не стал молчать. Кто бросил кольцо ему в лицо и ушёл. Моя сестра не смогла. Другие, наверное, тоже. А вы, молодец, смогли.

Я опустила глаза, потому что его взгляд обжигал.

— Я не смогла бы, если бы вы не появились.

— Смогли бы, – твёрдо сказал он. – Вы уже всё решили до того, как я подъехал. Я просто дал вам возможность уйти красиво.

Я посмотрела на него. Он стоял напротив, серьёзный, сосредоточенный, и в его взгляде не было ни жалости, ни снисхождения. Только уважение и что-то еще, от чего мурашки бежали по спине.

— Снимите халат, – сказал он в приказном тоне и мне показалось, что вся краска сошла с моего лица.

Я замерла.

— Что простите?

— Халат снимите, – повторил он, и уголок его губ чуть дрогнул. – Не здесь, конечно. Идите наверх, переоденьтесь. Я приказал купить вам одежду, она должна быть уже в вашей комнате. И мы подумаем, как вам вернуться домой.

— Домой? – переспросила я. Голос дрогнул. – У меня нет больше дома. Я продала квартиру в Москве. Продала свой бизнес. Я... – я замолчала, чувствуя, как к горлу подкатывает новый ком.

— Тогда, – Демьян подошёл ближе, и я почувствовала запах его одеколона, подумаем, как вам построить новый.

— Я ничего не понимаю, – прошептала я. – Зачем вы это делаете? Зачем вам помогать мне?

Он замолчал. Отвернулся и отошел к окну. Кажется, он обдумывал свой ответ. Я уже решила, что он не ответит, но он продолжил.

— Моя сестра, – сказал он наконец. – Она не смогла бы начать сначала, если бы кто-то не протянул ей руку. Я не успел тогда. Когда я узнал обо всём, она уже сидела на антидепрессантах и не хотела выходить из дома. Я не успел её спасти. Но вас я спасу и помогу встать на ноги, как не помог своей сестре.

Он замолчал. Я смотрела на него и видела боль. Глубокую, давнюю, которую он привык не показывать.

— Идите, – повторил он мягко. – Переоденьтесь и спускайтесь завтракать. Сегодня будет долгий день.

Я кивнула, не в силах говорить. Развернулась и пошла к лестнице, чувствуя, как где-то в глубине зарождается чувство уважения и симпатии.

Я поднялась в свою комнату, закрыла дверь и прислонилась к косяку. Сердце колотилось где-то в горле. В ушах всё ещё звучали слова Демьяна:

«Он получает удовольствие. Ему нравится власть».

И другое: «Моя сестра тоже пыталась. Наглоталась таблеток».

Я вспомнила Алексиса, его улыбку, нежные слова и обещания. Но в его глазах всегда была пустота, когда он говорил: «Это ничего не значит. Это просто физиология».

Всё оказалось ложью. Поддельная подпись на брачном договоре, фальшивые клятвы, слова любви. Всё было обманом. И девушка, которая едва не умерла. Две девушки. Возможно, больше.

Я посмотрела на кровать. Там лежали несколько пакетов – одежда, которую Демьян велел купить. Я подошла, вытряхнула содержимое.

Простые вещи: джинсы, футболка, лёгкий свитер, бельё, даже домашние тапочки. Всё моих размеров. Он успел всё продумать.

Я переоделась, чувствуя, как привычная ткань возвращает меня к реальности. Я больше не невеста. Я просто женщина в джинсах и футболке. Женщина, у которой нет ничего: ни мужа, ни дома, ни работы, ни даже паспорта, оставшегося в чемодане в ресторане.

Но у меня есть свобода. И, кажется, есть человек, который готов помочь. А ещё родители, которые, наверняка беспокоятся обо мне.

Я подошла к окну. Посмотрела на море, оно было синее, спокойное и бесконечное.

– Всё будет хорошо, – сказала я себе. – Не сейчас, но обязательно будет.

Я закрыла глаза и вдохнула полной грудью. Впервые за долгое время – без страха и без лжи. Без человека, который сказал, что любит меня, а сам даже не потрудился поставить подпись под нашим браком.

Я была свободна и это было лучшее чувство на свете.

Глава 9. Демьян.

Я смотрел, как она поднимается по лестнице. Белый халат, босые ноги, распущенные волосы, которые она так и не собрала. Она двигалась медленно, будто каждый шаг давался ей с трудом. И я понимал почему.

Вчерашний день выжал из неё всё. Сегодня она держалась на одном только адреналине и, кажется, на чистом упрямстве.

Хорошее качество. Оно ей пригодится в жизни.

— Георгиос, друг мой, – сказал я, когда её шаги затихли наверху. – Останься.

Адвокат, который уже начал собирать папку, поднял на меня глаза.

— Что-то ещё?

— Есть разговор.

Я прошёл в гостиную, сел в кресло напротив. Георгиос последовал за мной, отложил папку в сторону. Мы знали друг друга десять лет, и он умел читать меня без лишних слов.

— Ты хочешь что-то предложить, – сказал он, глядя на меня поверх очков. – И это что-то связано с ней.

Умный мужик.

— Она ключ, – сказал я. – Ключ к тому, чтобы посадить этого ублюдка.

Георгиос снял очки, потер переносицу.

— Демьян, я понимаю твои чувства, но у нас недостаточно доказательств. Поддельная подпись это, безусловно, статья. Но адвокаты Пападопулоса сделают всё, чтобы представить это как техническую ошибку. Максимум будет штраф, возможно – условный срок. Может быть, даже небольшая компенсация.

— А если добавить к этому покушение на доведение до самоубийства?

Георгиос посмотрел на меня внимательно.

— Ты говоришь о Наташе?

— И не только. Любава вспомнила сегодня утром. Алексис сам рассказывал ей про какую-то девушку, которая «чуть не убилась» после него. Он сказал это между делом. С улыбкой. Словно это забавный анекдот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.